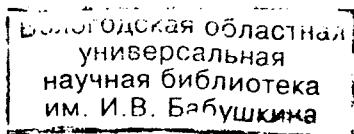

Министерство образования и науки Российской Федерации
Департамент образования Вологодской области
Череповецкий государственный университет
Гуманитарный институт
Кафедра литературы

Культура и словесность Русского Севера

Сборник научных статей

кр 1423743

Череповец
2010

О вине подумаю, о хлебе,
О пенцах, собравшихся в полет...

Рубцов, очевидно, не ставил перед собой цель дать в стихотворении «На вокзале» поэтический комментарий к Евангелию от Матфея, но его стихотворение повествует о том, что можно так прожить жизнь, чтобы смерть стала началом личного бессмертия. Как известно, в библиотеке Пастернака в Переделкино сохранился Новый Завет с подчеркиваниями и обозначениями, сделанными в разные годы жизни [4, 7–8]. Почти все обозначения сделаны в Евангелии от Матфея, которым особо интересовался Пастернак, разделяя утверждение о том, что первое Евангелие было написано именно Матфеем.

В.С. Баевский писал, что «Пастернак первым в литературе и обществе своего времени заговорил о замене культа революционного преобразования государственной жизни идеей мирного ее обновления на почве христианской жертвенности» [5, 457]. Мы считаем, что во второй половине 1960-х годов эта идея Пастернака о близости Бога к частной, а не исторической жизни нашла свое гениальное воплощение именно в поэзии Рубцова.

Примечания

1. *Бондаренко В.Г.* Пламенные реакционеры. — М., 2003.
2. Цит. по: *Бондаренко В.Г.* Серебряный век простонародья. — М., 2004.
3. *Киров А.Ю.* Лирический роман в поэзии Н.М. Рубцова: Автореферат дисс... канд. филол. наук. — Вологда, 2004.
4. *Птицын И.А.* Актуальные проблемы литературоведения: творческая эволюция Б.Л. Пастернака. — Череповец, 2008.
5. *Баевский В.С.* Последняя книга Пастернака // Автор и текст: Сб. науч. трудов. — СПб., 1997.

Ю.В. Розанов (Вологда)

О ВОЗМОЖНЫХ ИСТОЧНИКАХ «ОБЕЗВЕЛВОЛПАЛА» А.М. РЕМИЗОВА

Обезьянью Великую и Вольную Палату («Обезвелволпал»), созданную А.М. Ремизовым, можно считать одним из самых значительных «неомифологических» образований в русской литературной жизни XX столетия, такого богатого на разного рода игровые формы в быту и в культуре. О серьезности этой «несерьезной» игры

свидетельствуют и полувековой срок ее существования, и внушительное число писателей, художников, артистов и ученых, в разное время в Палате состоявших, — около 230 человек, и, самое главное, моральные принципы, декларируемые «обезьяньим братством», прежде всего, безусловный приоритет правды и свободы. В документах Палаты записано, что на обезьяньих пространствах «нет места гнусному человеческому лицемерию, что здесь вес и мера настоящие и их нельзя подделывать, и ложь всегда будет ложью, а лицемерие всегда будет лицемерием, чем бы они ни прикрывались», и, что кавалер палаты «имеет неограниченные права переходить, переезжать и перелетать все границы и через любые заставы, поставленные «свободолюбивыми» человеческими ячейками, и не связан никакими обязательствами и клятвами и никому нечего не должен — волен делать, что хочет, и думать, как взбредет в голову, храня хвост» [1, 208; 224]. Если к этим «обезьяньим» ценностям прибавить атмосферу игры, тайны и свободной фантазии, то привлекательность ремизовского проекта для читателей и исследователей русской литературы становится вполне понятна. Можно согласиться с американским славистом В.Ф. Марковым, что в наше время, когда произошла девальвация многих моральных ценностей, «Обезьянью Палату..., право, неплохо возобновить» [2, 17–18].

Через несколько лет после смерти Ремизова его близкий друг Н.В. Резникова писала: «Теперь, с уходом Алексея Михайловича, стало совсем неясно, что такое «Обезьянья Великая и Вольная Палата», тем более, что и прежде, при жизни Ремизова, ее значение было покрыто какой-то тайной, подразумевалось, но никогда не было точно определено» [3, 125]. Да и сам Ремизов говорил о том, что созданное им общество «тайное», а происхождение его «темное». Сейчас мы можем констатировать, что эта «неясность» в значительной степени снята. За последние годы в России и за рубежом появилось несколько важных работ об Обезвельволпале, была опубликована часть документов Палаты и переписка ее членов. Определенным итогом изучения ремизовского игрового общества стало фундаментальное исследование Е.Р. Обатниной [4]. Тем не менее, грандиозная культурная мистификация хранит еще достаточно тайн и загадок. Не до конца изученным остается вопрос об истоках и источниках Палаты, о связи их с теми культурно-географическими регионами, в которых Ремизов формировался как писатель.

Самым первым и самым информированным историографом Палаты был, естественно, сам Ремизов. Архивные документы свидетельствуют, что еще в начале 1920-х годов писатель задумал создать всеобъемлющую историографию Обезьяньего общества. На сохранившемся в архиве писателя листе, озаглавленном «Откуда пошла

и как стала быть Обезьянья Великая и Вольная Палата», написано лишь начало предложения: «В лето от Рождества Христова тысяча девятьсот восьмое...» [5, 186]. Такой «исторический документ» так и не был создан Ремизовым. Писатель пошел по другому пути — он рассредоточил информацию о Палате по своим книгам, статьям, письмам и другим текстам, носящим автобиографический характер. В результате этого к «обезьяньему мифу» оказались привязаны события далекого прошлого, которые в реальном времени никакого отношения к Палате не имели. Фактически Ремизов в свете идей Обезвельопала заново переписал свою биографию до 1908 года. Такая авторская позиция не должна остаться без комментария.

В 1947 году Ремизов пишет рассказ о своем детстве «Магнит». Маленький герой рассказа не только живет «затаенной жизнью», но имеет явную склонность к «тайным обществам» с их характерными атрибутами и ритуалами: «От Павлушки я узнал, что <...> в одиночку воруют только воришки, у них же «шайка» и я должен поступить в их «шайку». «У тебя, я это сразу заметил, разбойничьи глаза, — сказал Павлушка — тебя можно принять без испытания железом». «И огнем!» — одобрил Санька. «Шайка» состояла из Павлушки и Саньки, я был третий» [6, 22–23]. Своеобразной «меткой» Палаты, которую писатель ставит в этом автобиографическом тексте, является пассаж о свободе: «...Все должно делаться «за-одно», безо всякого принуждения и попреков — ни в чем друг друга не укорять и не дразнить». (Ср. с «Донесением обезьяньего посла обезьяньей вельможе»: «...У нас, в обезьяньем царстве, свободно выраженная анархия, но она подчинена строгим правилам и выработанным формам, которым каждый подчиняется совершенно свободно» [1, 223].)

Тяга к «тайным обществам» вновь проявляется у Ремизова уже в Пензе, где он отбывает свою первую ссылку за участие в студенческой антиправительственной демонстрации. В Пензе в то время жил «на покое» легендарный деятель русского освободительного движения Д.А. Юрасов, член знаменитого Ишутинского кружка, друг цареубийцы Д.В. Каракозова. Молодые романтики революции, к которым причислял себя и Ремизов, живо интересовались историей и мифологией народовольцев. В этой среде ходили полуфантастические рассказы о группе «Ал» — сверхсекретном террористическом ядре Ишутинской организации. Однажды товарищи делегировали Ремизова к престарелому Юрасову с надеждой получить точную и полезную для их дела информацию о принципах конспиративной организации общества «Ал». Неразговорчивость «Авраама революции» и природная застенчивость Ремизова сделали доверительную беседу невозможной, но в устном «отчете» товарищам-революционерам будущий писатель дал волю своим конспиратор-

ским фантазиям. «...Мой рассказ о тайном обществе «Ад» всем по душе пришелся. В моем сочинении об этом таинственном «Аде» было много из того, что впоследствии будет в моем «Обезвельволпале»... Понравилось: «полная свобода и никаких обязательств» (анархия) и что «адское» (обезьянье) противопоставляется «изолгавшемуся человеческому с его прописной моралью, лицемерием и лавочной религией» [7, 337]. Как видим, ремизовская мечта о тайном братстве с анархической идеологией проявляется здесь несмотря на явную историческую несообразность. В подлинном «Аде», и Ремизов это прекрасно знал, никакой свободы не было и быть не могло. Там царила жесточайшая дисциплина, и за нарушение устава любой член организации мог быть казнен своими же товарищами.

Вологодский период жизни писателя занимает в генезисе ремизовской «неомифологической» игры особое место. Начало нового столетия ознаменовалось для Ремизова новой ссылкой: 31 мая 1900 года «за пропаганду среди пензенских рабочих» он был сослан на три года в Вологодскую губернию. 1901 год он встретил в уездном Усть-Сысольске, «на заповедной зырянской земле». Описывая позднее свою вологодскую жизнь, писатель постоянно ищет и находит в ней связи и параллели с будущим Обезвельволпалом.

Вот характерный пример. Излюбленным занятием Ремизова в первый год вологодской ссылки стало чтение вслух перед небольшой аудиторией. На эти чтения в его комнату собирались соседи из ссыльных, заходили и местные жители. Своеобразное расписание чтений Ремизов сообщает в письме брату Сергею Михайловичу от 26 сентября 1900 года: «Кроме истории и философии по субботам, читаю в четверг 1 том Маркса, с комментариями и критикой в связи с политической экономией, в пятницу психологию, а в воскресенье — развитие рабочего движения на Западе... Буду для желающих читать литературу, историю» [8, 432—433]. Собрания эти вызвали вполне закономерные подозрения у полиции, и однажды в комнате Ремизова был проведен обыск. Не нравились они и ссыльным интеллигентам, которые вообще относились к новоприбывшему с подозрением. В предисловии к книге «На вечерней заре» Ремизов вспоминал: «Из Пензы я приехал в Усть-Сысольск под кличкой «декадент». Отношение ссыльных-революционеров добродушно-ироническое, и безнадежное — «пустое место».... Я жил в стороне, общался только с высланными рабочими...» [9, 154]. Все это вызывало у писателя ассоциации с «тайным обществом», позднее с Палатой.

На этом коми-зырянские источники Палаты не заканчиваются. С.С. Гречишкин в работе «Царь Асыка в «Обезьянней Великой и Вольной Палате» Ремизова» установил, что имя «Асыка», данное Ремизовым номинальному «руководителю» Палаты, позаимство-

вано писателем из Вологодско-Пермской летописи [10, 173–176]. Но с оригинальными списками древнего памятника ссыльный молодой человек вряд ли мог иметь дело. Поиск непосредственного источника приводит нас к книге Г.С. Лыткина «Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык» (СПб., 1889). В обширном историческом очерке, включенном в эту универсальную «зырянскую энциклопедию», на основании летописных данных рассказывается о том, как в XV веке вогульский князь Асык притеснял печерских и верхне-вычегодских зырян и различными способами противодействовал христианизации края. Труд зырянского просветителя XIX столетия не был книжной редкостью на Севере. Императрица Мария Федоровна повелела разослать это издание от своего имени в зырянские народные училища Вологодской, Архангельской, Пермской и Вятской губерний. В качестве дополнительного учебного пособия книга Лыткина использовалась и на «зырянском отделении» Вологодской духовной семинарии. Считается, что неисправимый язычник князь Асык «передал» обезьянному царю только свое имя. (Слово «асык» на зырянском языке означает «обруч».) Однако семантика этих образов имеет нечто общее. И тот, и другой — противники наступающей цивилизации, своеобразный борцы за естественный образ жизни.

Следует принять во внимание и еще одно обстоятельство. Дом в Усть-Сысольске, в котором Ремизов снимал комнату, позднее названную им «Устьсысольской обезьянней палатой», пользовался «худой славой». В книге «Иверень» писатель связывает репутацию «страшного дома» с тем, что когда-то на этом месте располагалось языческое святилище: «Крайний, высоко на берегу, на круче, без соседей. Во дворе баня, три высоких ели и сколько-то мелких, и колючие кусты — дикий алый шиповник. Мне говорили, был кедр, а теперь вылощенная кость, пень, а это значит, заповедное место — разоренное капище или кумирня с жертвенником солнцу-месяцу-звездам-радуге» [7, 402]. Таким приемом Ремизов еще более приближает языческого Асыку к придуманной им Палате. (В ранних текстах, написанных в Вологде в 1902–1903 годах, описание «страшного дома» свободно от языческих коннотаций.)

Через год северная ссылка Ремизова продолжилась в Вологде. В то время здесь собралось большое число ссыльных различных политических направлений. «В Вологде меня приняли добродушно и приветливо», — вспоминал позднее Ремизов. Среди наиболее близких к нему ссыльных можно назвать Н.А. Бердяева, Б.В. Савинкова и П.Е. Щеголева. В дружескую группу также входили: И.П. Каляев, отбывавший административную ссылку в соседнем Ярославле, но очень часто приезжавший к вологодским друзьям,

Оге Маделунг, коммерсант из Копенгагена, мечтавший стать русским писателем, но в конце концов ставший писателем датским, В.А. Жданов, присяжный поверенный, позднее прославившийся своей речью на процессе того же Каляева, Соломон Сегаль, владелец часового магазина на Кирилловской улице, описанного в повести Ремизова «Часы». Этих людей Бердяев в своих воспоминаниях назвал «аристократией» вологодской ссылки в противоположность «демократам», группу которых возглавляли А.В. Луначарский и А.А. Богданов-Малиновский. «Аристократия», — писал Бердяев, — была более независима в своих суждениях от коллектива, более индивидуалистична и свободна в своей жизни, имела связи с местным обществом, главным образом земским, отчасти с театром» [11, 118]. «Аристократы» образовали в Вологде игровое «тайное общество» — «Союз свободных алкоголиков» (С.С.А.). Инициатором и вдохновителем «свободных алкоголиков» был, конечно, «декадент» Ремизов. Если пензинский «Ад» в ремизовском варианте являлся образованием совершенно виртуальным, существовавшим лишь в голове его создателя, то в С.С.А. присутствовали некоторые признаки реальной организации. Члены Союза и сочувствующие им регулярно организовывали собрания, на которых вырабатывались правила игры и нормы ритуального поведения, связанные, прежде всего, с винопитием, существовала и своеобразная документация в виде так называемых «некрологов». «Всякий отбывший срок ссылки, — писал Ремизов в книге «Иверень», — в канун отъезда устраивал прощальный вечер, я заготовлял это «подорожие», по-старому сказать подорожие, напутствие, некролог, а П.Е. Щеголев, большой искусник «выразительного чтения», читал полным голосом, отчетливо выговаривая все буквы по-писаному. Некрологи я писал в виде свитка с закорючками и завитками. Прощальные вечера обычно устраивались у В.А. Жданова». (В традиционной народной культуре под «подорожием» или «подорожной» понимается, по свидетельству В.И. Даля, разрешительная молитва по усопшем: местами она кладется в гроб. Добавим, что на Русском Севере такие тексты, в которых может быть описана жизнь и поведение покойного, еще называют «пропусками».) Далее Ремизов проводит прямую параллель между вологодским С.С.А. и Обезвельволпалом: «За годы мало чего сохранилось, «покойники» теряли «некрологи», как «кавалеры обезьяньего знака» теряют свои обезьяньи грамоты...» [7, 485].

На сегодняшний день известны и опубликованы семь таких «подорожий» в поздних и существенно переработанных версиях, вошедших в книгу «Иверень»: П.Е. Щеголеву, И.А. Давыдову, Н.М. Ионову, Н.К. Мукалову, Н.А. Бердяеву, И.А. Неклепаеву и З.А. Александровой, и только два в первоначальных «вологодских редакциях»

(П.Е. Щеголеву и Н.А. Бердяеву). Такие заигрывания со смертью религиозно настроенному человеку могут показаться кощунственными и опасными, но, думается, привкус опасности входил в парадигму всего замысла. Дух смерти уже витал над компанией — как раз в это время по край мере двое из них, Савинков и Каляев, приняли принципиальное решение «идти в террор», который осмысливался ими не только как месть самодержавию за угнетение народа, но и как мистическое самопожертвование. Правда, основатель и душа союза, Ремизов, предпочел иной путь. Именно в Вологде он сделал окончательный жизненный выбор — литературное творчество в духе самых современных художественных идей и представлений.

Из того немногого, что нам известно о «деятельности» С.С.А., можно выделить два семантических блока — похоронную обрядность и алкоголь. Первый со всей яркостью проявляется в ритуале «подорожий». К началу XX века жанр официального некролога (равно, как и его устной разновидности — похоронной речи) основательно формализовался в своем безлично-фимиамном дискурсе и именно поэтому стал привлекательным объектом для пародирования. Напротив, в неофициальных некрологах, например, в некрологах революционерам, печатавшимся в нелегальной партийной периодике, преобладала тенденция к литературности. И в том, и в другом случаях в некрологах преувеличивались добродетели и заслуги умерших, припоминались разного рода «сентиментальные» детали, давались клятвы о вечной памяти, «продолжении дела» и (в революционных некрологах) затрагивалась тема отмщения. Этим особенностями жанра и воспользовался Ремизов. Вот фрагмент его «подорожия», написанного на проводы из Вологды Н.М. Ионов: «...Покойный все хотел приняться за какое-нибудь систематическое изучение, он мечтал овладеть всеми «отраслями» знания и, наконец, остановился на фотографии. Сердце у него было доброе, улыбка насмешливая: посвистывает и ухмыляется, — его сломанный тяжелый браунинг, с ним он не расставался, остается памятью о его незлобливости» [7, 492]. Или в «некрологе» Н.А. Бердяеву: «В его «трудах», которые и я читал, мне слышались напевы «далекой Индии чудес» и в них сверкала его душа, как дождевые капли знойным полднем. Сколько народу он возьмет с собой в могилу? Ведь те, что встретил я, с отчаянья спешили за ядом в аптеку Гальперина. И кто им заменит его? Никто. И даже сам Луначарский не в силах затопить своей обильной словесной дизентерией ту пустоту, которая глядит теперь, раскрыв глубоко свои немые очи» [4, 21].

Но, главным образом, ремизовские шуточные «некрологи» пародировали самих «покойников», их внешность, привычки, любимые занятия, в них часто обыгрывались разные происшествия, случав-

шиеся в колонии ссыльных. Вот шаржированный портрет Щеголева: «Как сейчас вижу бритое его лицо с хищно-раздувающимися ноздрями, с подвитой шевелюрой простака, дико спускающейся на чело, а эта глубокая черта-морщина вдоль лба и серые, умные глаза бесстыдника под стеклами пенсне — все живо, близко, вот выступит из моей думы, заговорит... Высоко, выше всякого напитка и редкостных изданий покойный чтит Свободу, Смелость, Дерзость» [12, 187].

Интересно проследить, как Ремизов в своих «некрологах» интерпретирует реальные события из жизни вологодской колонии, известные и по другим источникам. Бердяев в своей «философской автобиографии» рассказывает об одном случае проявления им «самодурства», случившемся в ссылке: «Я получил по наследству вспыльчивый, гневливый темперамент. Это русское барское свойство <...> Когда я был в ссылке в Вологде, то побил палкой чиновника Губернского правления за то, что тот преследовал на улице знакомую мне барышню. Побив его, я ему сказал: «Завтра вы будете уволены в отставку» [12, 15–16]. В ремизовском тексте (первая редакция) эпизод конкретизируется за счет введения деталей и вписывается в темп речи, движений и даже мысли философа: «Слышу торопливый захлебывающийся смех. Нервно махая рукой, он вытирает-вытирает лицо, и — бежит. Как сейчас помню глубокую морозную ночь, когда покойный восстал против преследований Броницкой: он бежал на улицу без шубы в одних перчатках и быстро-быстро махал своей японской палкой, едва дотрагиваясь до «мерзавца» [4, 21]. Во второй редакции эпизод сокращен и «подмонтирован» к портрету Бердяева, а сам факт побоев дан как исключение, случайный срыв: «Видю темные локоны без куафюры; глаза — по неостывшему асфальту солнечной рябью; смех — покойный смешно смеялся. И только раз, вступившись за одну из Гильд, выбежал в мороз на улицу без шубы, но в перчатках, и махал увесистой японской палкой, норовя куда-нибудь по «мерзавцу» [7, 494]. (Гильда — героиня драмы Г. Ибсена «Строитель Сольнес»; Ремизов намекает здесь на всеобщее увлечение своих друзей современной скандинавской литературой, ее женскими образами, черты и качества которых молодые люди переносили на своих вологодских подруг.)

Стиль общения в вологодском Союзе свободных алкоголиков, а позднее и в Обезвельволпале, напоминает дружескую атмосферу знаменитого литературного кружка пушкинской эпохи — «Арзамасского общества безвестных людей», где тоже основательно использовали «похоронная тема» и тема винопития. Можно думать, что члены вологодского союза сознательно или бессознательно

ориентировали свое «игровое поведение» и на другие культурно-исторические модели, что вполне соответствовало духу времени, «веку стилизации». Здесь вспоминается древнегреческий симпосион — особый вид пира, на котором главное внимание уделялось не вину и еде, а чтению и импровизированию стихов, а также философским беседам. Наиболее эрудированные из «вологодских алкоголиков» могли припомнить и *collegia funeraticia* (погребальные союзы) Древнего Рима, на собраниях которых совершались ритуальные поминки по умершим членам, сопровождавшиеся изощренными поминальными тостами. Собрания эти происходили в катакомбах, что свидетельствует об их нелегальности. Наши предположения об античных влияниях на стилистику С.А.А. будут выглядеть более убедительными, если принять во внимание тот общий античный дух, который культивировали в ссылке Ремизов и его друзья и который позднее отразился в текстах Ремизова о Вологде. Наиболее ярко этот колорит представлен в эпизоде из книги «Иверень», в котором Ремизов «реконструирует» своеобразный «зачин» разговора с известным французским славистом Пьером Паскалем:

«Нынче, на Прощеный зашел он ко мне на <улицу> Буало в мой ледяной затвор наведаться: замерз или дышу еще <...> Надо бы мне гостя встретить блинами, да каюсь, масленица прошла, а и сам я ни столечко, то-то постному бесу радость! <...> Я и подумал: дай-ка почитаю любимое его из XVII века; кстати на столе «Письма царя Алексея Михайловича»..., а потом подсуну и свое — про «Афины»: сойдет за блин — и в соблазн не введу человека и душу его не посрамлю <...> Кончил я письмо, вижу по душе Паскалю и говорю:

А у меня есть про Афины: «Северные Афины».

«Какие же северные, где?»

«И с музыкой, говорю, тетрахорды, теорбы и флейты».

Если бы Паскаль был курящий, он закурил бы...

«С гимнами Сафо, продолжал я, Каллимаха, Пиндара, оды Анакреона, идиллии Феокрита, хоры Софокла, Еврипида, смех Аристофана <...>

«Вы услышите громчайшие имена «титанов»: Луначарский, Карпинский, Равич...»

«Я лучше прочту строфу из Софокла», перебил Паскаль.

«Но с титанами вы встретите и скромное имя: Николай Александрович Бердяев».

«Бердяев в Афинах... да где же эти Северные Афины?»

«Та русская земля, сказал я, где когда-то гремел город Грозного Вологда с Прилуками».

И вижу, поддался [7, 474–476].

Примечания

1. Ремизов А.М. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 5. — М., 2000.
2. Марков В. Неизвестный писатель Ремизов // Aleksey Remizov. Approaches to a Protean Writer. Columbus, Ohio, 1987.
3. Резникова Н.В. Огненная память. Воспоминания о Алексее Ремизове. Berkeley, 1980.
4. Обатнина Е. Царь Асыка и его подданные. Обезьянья Великая и Вольная Палата А.М. Ремизова в лицах и документах. — СПб., 2001.
5. Обатнина Е. «Обезьянья Великая и Вольная Палата»: игра и ее парадигмы // Новое литературное обозрение. 1996. № 17.
6. Кодрянская Н. Ремизов в своих письмах. — Париж, 1977.
7. Ремизов А.М. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 8. — М., 2000.
8. Грачева А.М. Революционер Алексей Ремизов: миф и реальность // Лица. Биографический альманах. Вып. 3. М.—СПб., 1993.
9. На вечерней заре. Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло // Europa Orientalis. 1985. № 4.
10. Гречишкин С.С. Царь Асыка в «Обезьяньей Великой и Вольной Палате» Ремизова // Studia Slavica. (Budapest). 1980. Т. XXXVI.
11. Бердяев Н. Самопознание. — М., 1990.
12. Письма А.М. Ремизова к П.Е. Щеголеву. Ч. 1. — Вологда (1902–1903) / Публ. А.М. Грачевой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год. — СПб., 1999.

Е.Е. Соловьёва (Череповец)

О ЛИТЕРАТУРНОЙ ГЕОГРАФИИ ДЖ. КОНРАДА

Английский писатель Дж. Конрад (1857–1924) связан с северным регионом России биографически. Настоящее имя писателя — Теодор Юзеф Конрад Наленч Коженевски. Он происходил из польской родовитой, но обедневшей семьи.¹ Отец Конрада Аполло Коженевски, литератор, выступал за освобождение Польши и был выслан из Варшавы в Пермь. Однако в процессе конвоирования место ссылки было изменено на Вологду.² Вместе с А. Коженевским

¹ Е. Ланн приводит легенду о происхождении родового имени Наленч от названия сложенного вдвое платка, которым король Болеслав Храбрый обвязал головы последних обращенных в христианство язычников [1].

² Биографические сведения о Конраде, кроме особо оговоренных, приведены по монографии Фредерика Карла «Джозеф Конрад: Три жизни» [2].